

DOI: 10.31857/S086919080021623-2

ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА ДОГОНОВ (МАЛИ)
В КОНТЕКСТЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ ИСЛАМА

© 2022

П.А. КУЦЕНКОВ ^a^a – Институт востоковедения РАН, Москва Россия.
ORCID: 0000-0002-4288-6167; pkutsenkov@gmail.com

Резюме: В статье рассматривается феномен проникновения элементов доисламского декора в архитектуру мечетей в Стране догонов (Мали). Прежде чем непосредственно обратиться к этому предмету, автор сообщает необходимые сведения об истории и этнографии догонов, а также кратко описывается архитектура Суданского стиля в Мали. По мнению автора, в случае с архитектурой догонов можно наблюдать очень своеобразный вариант взаимодействия традиционной культуры с исламом. Само по себе использование традиционных для данной территории форм и типов архитектурных сооружений хорошо известно – достаточно вспомнить османские мечети, имеющие своим прототипом Айя Софию. Но в этом случае имитировалось не языческое сооружение, а церковь, построенная «людьми Писания». С догонами дело обстоит иначе: в архитектуре мечетей воспроизводится не просто декор сооружения, ассоциированного с традиционной религией, но именно те его детали, что прямо связаны с поклонением «идолам», или фетишам. Подобные казусы фиксировались и в других сферах современной традиционной культуры догонов. Типичным примером является легенда о пророке Амабире (Amabire, «Творение Господне», сокращённо – Abire) Горо (Goro), которому принадлежит пророчество о том, что рано или поздно догоны вернутся на свою историческую родину в Страну манде. Догоны считают Амабире, а не Мохаммеда «последним пророком» и связывают легенду о нём с историей ислама в Мали. По мнению автора, эти примеры говорят не о слабости ислама в Мали и у догонов в частности – проникновение языческих элементов в мусульманскую архитектуру, равно как и проникновение ислама в языческий фольклор и отчётливое стремление увязать их друг с другом, скорее, является свидетельством синтеза ислама и традиционной культуры, такого, когда языческие элементы уже не осознаются как таковые, а исламские не отождествляются догонами только с религией.

Ключевые слова: Мали, ислам, догоны, гинна, мечеть, Амабире Горо.

Для цитирования: Куценков П.А. Традиционная культура догонов (Мали) в контексте цивилизации ислама. *Восток (Oriens)*. 2022. № 5. С. 135–145. DOI: 10.31857/S086919080021623-2

THE TRADITIONAL CULTURE OF THE DOGON (MALI)
IN THE CONTEXT OF ISLAMIC CIVILIZATION

© 2022

Petr A. KUTSENKOV ^a^a – Institute of Oriental Studies RAS, Moscow Russia.
ORCID: 0000-0002-4288-6167; pkutsenkov@gmail.com

Abstract: *The article examines the phenomenon of the penetration of elements of pre-Islamic decor into the architecture of mosques in the Dogon Country (Mali). In case of architecture of the Dogon, one can observe a very peculiar version of the interaction of traditional culture with Islam. In itself, the use of forms and types of architectural structures traditional for the given territory is well known – it is enough to recall the Ottoman mosques. With the Dogon, the situation is different: the architecture of mosques reproduces not just the decor of a building directly related to traditional religion, but precisely those details of it that are associated with the worship of “idols”, or fetishes. Similar incidents were recorded in other areas of Dogon modern traditional culture. A typical example is the prophet Amabir (Amabire, “Creation of the Lord”, abbreviated as Abire) Goro (Goro), who owns the prophecy that some day or other the Dogon will return to the Mande Country. The Dogon consider Amabire, and not Muhammad, the “last prophet” and connect the legend about him with the history of Islam in Mali. These cases indicate the penetration of pagan elements into Muslim architecture, as well as the penetration of Islam into pagan folklore and a clear desire to link them with each other. So this is evidence of the synthesis of Islam and traditional culture: pagan elements of Dogon heritage are no longer recognized as such, and Islamic elements are not identified by the Dogon only with religion.*

Key words: Mali, Islam, Dogon, ginna, mosque, Amabire Goro.

For citation: Kutsenkov P.A. The Traditional Culture of the Dogon (Mali). *Vostok (Oriens)*. 2022. No. 5. Pp. 135–145. DOI: 10.31857/S086919080021623-2

ДОГОНЫ: НАРОД И КУЛЬТУРА

Догоны обитают на нагорье Бандиагара (Плато Догон, *Plateau Dogon*) и прилегающих к нему с юга и с востока долинах южной части Республики Мали и в приграничных землях Буркина-Фасо. Их численность составляет от 800 тыс. до 1 млн, но на этнической территории постоянно обитают ок. 400 тыс. Очень велики сезонные колебания численности населения: основные сельскохозяйственные работы приходятся на сезон дождей (май–сентябрь), и тогда большая часть населения возвращается в деревни. В сухой сезон (октябрь–апрель) мужчины ищут работу в больших городах и в соседних странах. Догоны в настоящее время говорят на 20 языках, причём их носители часто не понимают друг друга. Поэтому, в качестве языков межгруппового общения используются бамананкан, фульфульде и французский.

Существует несколько версий истории миграций современного населения на нагорье Бандиагара. (см.: [Gallay et d'autres, 1995, p. 26–28]). Согласно же «официальному» общедогонскому историческому преданию, до них на нагорье обитали *теллем* (*tellem*, в переводе с языка тенкан «[те] кого [мы] нашли», а до тех – ногом и толгой. Догоны вышли из Страны манде (находится к западу от Бамако между городами Кангаба, Кита и Бамако), однако указываются и разные даты этого исхода, и его причины, причём о своём происхождении из Страны манде рассказывают даже те группы, что явно не имеют к ней отношения. Пришельцы изгнали теллем, и те ушли на юг Долины Сено и на территорию современной Буркина-Фасо. Однако часть теллем была ассимилирована догонами. Отдельные их семьи до сих пор живут в деревнях догонов – такова, к примеру, семья Ганаме (Ganamé) из д. Йуга сельской коммуны Сангхай в округе Бандиагара региона Мопти Республики Мали (подробно см.: [Ванюкова, Куценков, 2019, с. 21]). Сейчас можно уверенно говорить только о том, что современные догоны представляют собой множество групп разного происхождения, и что было, по меньшей мере, две волны миграций на нагорье: первая датируется XII–XIII вв.,

вторая – XV–XIX вв. В ходе экспедиций в Мали в 2019, 2020 и 2022 гг. выяснилось, что последнее зафиксированное устной традицией переселение произошло во времена Самори Туре, в 1870-х гг.: люди из клана Йалкуе ушли из зоны боевых действий по следам своих средневековых предшественников. Имеется пророчество, согласно которому догоны рано или поздно вернутся на свою историческую родину (о человеке, которому это пророчество принадлежит, мы подробно поговорим позже). И действительно, обратная миграция началась ещё в 80-х гг. прошлого века. В наши дни в Страну манде начали возвращаться по преимуществу «Суфи адама», т.е. суфии, которые, с точки зрения терзающих последние годы страну догонов джихадистов, даже хуже христиан. Так, возле д. Догоро (*Dogoro*, сельская коммуна Сиби, регион Куликоро), на территории старой, ныне покинутой деревни (*Dogorokoro*), с 2013–2014 г. живёт семья марабута Усмана Гиндо. И он сам, и жители Догоро прекрасно осведомлены о том, что догоны поселились на своих исторических землях, и это всеми воспринимается как должное. Таким образом, миграции догонов продолжают и в наши дни.

ИСЛАМ В МАЛИ

Знакомство населения территории современной Республики Мали с исламом состоялось в 734 г. во время первого набега арабов на Вагаду (Гану). Вскоре после этого по крайней мере часть её населения приняла ислам – во всяком случае, в столице Вагаду Кумби-Сале (находится на территории современной Мавритании на границе с Мали) была мечеть, чей план, кстати, близок плану знаменитой мечети в Дженне. Известно, что город был разделён на две части – в одной жили мусульмане, в другой – приверженцы традиционных религий. Следующий этап исламизации страны связан со средневековой империей Мали: в XIII в. преемник её основателя, Сунджаты Кейта, Уали Кейта (1255–1270), официально принял ислам (в некоторых устных традициях догонов именно это событие называется причиной их ухода на нагорье). Чуть позже (1280 г.) двадцать шестой царь Дженне Кой Комборо принял ислам и построил первую в этом городе мечеть. Дженне находится в непосредственной близости от Страны догонов, и в истории этого народа сыграл весьма заметную роль. В империи Сонгаи ислам был государственной религией, что, кстати, наверняка увеличило число мусульман и среди населения нагорья Бандиагара – эта территория играла заметную роль в военной политике Сонгаи¹; в XVIII–XIX вв. религиозные движения фульбе также увеличили число приверженцев религии пророка.

Согласно статистике, сейчас в Мали ислам исповедует около 90% малийцев, но есть основание сомневаться в достоверности этой цифры – значительная часть тех же догонов остаётся верной традиционной религии, а многие мусульмане являются таковыми только по названию. Население Мали придерживается суннитского ислама, хотя, как и во всей Западной Африке, там очень велико влияние суфийских тарикатов.

* * *

Ни в империи Мали, ни в пришедшей ей на смену империи Сонгаи ислам насильственно не насаждался. Терпимость проявляли и язычники, тем более что смешанные в

¹ Население, по крайней мере, северо-востока Страны догонов служило в армии империи Сонгаи. Как отметил Л.Е. Куббель, пехота Сонгаи «комплектовалась из вольтийских народов района Хомбори» [*Суданские хроники*, 1984, прим. 509, с. 444]. Страна догонов сейчас простирается именно до гор Хомбори, но невозможно со всей достоверностью утверждать, что так было и в XV–XVI вв. Косвенным свидетельством в пользу предположения, что это были уже догоны, является то, что сейчас сонгаи являются сананку (партнёрами по шуточному родству) догонов.

конфессиональном отношении семьи, вероятно, не были такой уж большой редкостью. Так, в Старом Сегу (Секоро) основатель «империи», убеждённый язычник Мамари Битон Кулибали (1712–1755), построил мечеть для своей матери-мусульманки Ба Суну Сако, чтобы той, по словам жителей Секоро, «не надо было далеко ходить на молитву». Сам этноним бамбара появился задолго до возникновения языческого государства в конце XVII в. и, вероятно, первоначально обозначал вообще всех язычников (в «Суданских хрониках» неоднократно упоминаются «язычники-бамбара», нападавшие на мусульманские города, что сопровождалось их «страшным и омерзительным разорением» [*Суданские хроники*, 1984, с. 260.]). Сохранилось очень характерное для понимания этих межконфессиональных отношений предание о том, что преемником царя Дженне Кой Комборо стал язычник Малаха Танапо, который построил здание, разделённое на две части: в одной была мечеть, а в другой помещались языческие идолы [Ba, Daget, 1984, p. 154].

Положение изменилось только в XIX в., но и тогда вспышки религиозного фанатизма, вроде джихада тукулёров, были непродолжительны и быстро сходили на нет. Так, после «таинственного исчезновения» Эль Хадж Умар Талля в феврале 1864 г. в окрестностях города Бандиагара², даже тукулёры перестали усердствовать с насильственным насаждением учения Пророка. При этом религиозные конфликты в истории Мали случались: Али, сын основателя империи Сегу Мамари Битона Кулибали, в 1757 г. попытался ввести нормы шариата – он запретил поклонение фетишам (*boli*) и употребление спиртных напитков, что и сыграло в его судьбе самую роковую роль: Али утопили в Нигере.

Во время своих многочисленных поездок по стране, в повседневной жизни малийских городов и деревень, автор статьи не сумел заметить каких-либо признаков религиозной нетерпимости – даже в Дженне, мусульманском религиозном центре Республики Мали, где возле всемирно известной мечети посетителей встречает предупреждение “*Entrée interdite pour non musulmans*”, это правило на самом деле не соблюдается, если посетитель ведёт себя прилично.

Среди догонов мусульман было немного до конца 60-х гг. прошлого века. Но они были, и появились там довольно рано: так, в устной исторической традиции д. Семари (*Semari*, *Samari*, сельская коммуна Дангол-Боре округа Дуэнца региона Мопти) сохранились сведения о том, что третий вождь основанной в 1269 г. деревни носил имя Калифа Барри. Деревня эта и в наши дни остаётся по преимуществу языческой, а в бруссе на дороге туда построена стена, за которую не разрешается заходить мусульманам и представителям некоторых ремесленных каст. Но тут опять срабатывает добродушная малийская веротерпимость: если этот мусульманин хороший человек, то он может спокойно проследовать в деревню и воспользоваться гостеприимством её жителей. Сейчас в Семари есть некоторое количество «своих» мусульман, и у них имеется совсем маленькая мечеть. В XIX в. в Стране догонов даже возникло мусульманское потестарное образование – «город-государство» этнической группы саман (*saman*) с центром в д. Кани-Гогунa (*Kani-Gogouna*, округ Бандиагара, сельская коммуна Вадуба), примерно в 30–35 км к северо-востоку от г. Бандиагара, по дороге к г. Дуэнца. Саман мирно сосуществовали с местным языческим населением.

После того, как преемники фанатичного предводителя тукулёров Эль Хадж Умар Талля сделали своей ставкой г. Бандиагара, они, как уже упоминалось выше, не особенно упорствовали в попытках насильственно обратить всех догонов в ислам; те позволили тукулёрам обосноваться в Бандиагара и построить там мечеть с гигантским двором; наследник Эль Хадж Умар Талля, Тиджани Талль, благополучно правил там до своей смерти в 1887 г., в согласии с могущественными местными кланами, Тембели (Тимбели) и Уологем. Север

² На самом деле, он погиб при взрыве порохового склада. Подробное изложение истории Эль Хадж Умар Талля см.: [Delafosse, 1912, II, pp. 305–340].

нагорья и лежащую к югу от него Долину Сено тукулёры если и контролировали, то в очень небольшой степени. Тиджани наследовал один из сыновей Эль Хадж Умара, правитель Масины Агибу. При нём отношения между мусульманами и приверженцами традиционной религии тоже оставались вполне мирными. Тем не менее, исламизация Страны догонов неуклонно нарастала, но шла она неравномерно: деревни в Долине Сено стали мусульманскими раньше поселений и на скальном уступе, и на нагорье и, тем более, на его севере.

Перелом наступил в 90-х гг. прошлого века, и, вероятно, не случайно апогей популярности новой веры совпал по времени с «туристическим бумом», который начался после либерализации экономической политики в 1991 г.: учитывая не самое сердечное и весьма ироническое отношение малийцев вообще и догонов в частности к «тубабу»³ (т.е. к европейцам, по преимуществу французам), можно с большой долей вероятности предположить, что выбор этой мировой религии не в последнюю очередь был обусловлен именно тем, что она «неевропейская». К тому же, нередко ислам не противоречит местным обычаям: традиционного распределения обязанностей между мужчинами и женщинами, полигамии и обрезания. Есть обычаи, где решительно невозможно определить, мусульманские они или местные: так, у вождя (ого, огон) обязательно должно быть четыре жены, но сейчас уже невозможно определить, связано ли это с исламом.

ЯЗЫЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ В МУСУЛЬМАНСКОЙ АРХИТЕКТУРЕ ДОГОНОВ

Архитектуре нагорья Бандиагара (включена в охранный перечень ЮНЕСКО) посвящено много публикаций, однако она и до сих пор остаётся изученной очень неравномерно: в перечень ЮНЕСКО попала не вся территория Страны догонов, но только относительно небольшой её участок вдоль скального уступа Бандиагара между д. Амба на северо-востоке, д. Гани-до на юго-западе, г. Бандиагара на севере и г. Банкасс на юге, т.е. едва ли четверть её территории. Однако деревни догонов расположены не только на тянущемся с юго-запада на северо-восток нагорье, но и на самом нагорье, и на прилегающих к нему равнинах, и тамошняя архитектура ничуть не хуже той, что находится под охраной ЮНЕСКО⁴.

В долинах вокруг нагорья Бандиагара абсолютно преобладает земляное строительство, благо материал лежит прямо под ногами. Строят из кирпичей прямоугольной формы: землю замешивают с водой и соломой, заливают её в формы и оставляют сушиться на солнце (раньше в ходу были овальные кирпичи). В д. Энде дома строят на каменном фундаменте – для этого копаются неглубокая траншея, которую заполняют камнем. На нём и возводятся кирпичные стены, где кирпичи скрепляются той же жидкой землёй, из которой они сделаны.

Традиционная архитектура догонов знает четыре основных типа сооружений. Во-первых, это жилые дома, чья планировка и техника строительства зависят в равной мере и от особенностей рельефа, и от культурно-исторических факторов. Второй тип – зернохранилища характерной квадратной формы с небольшими дверками на первом и втором ярусах (нередко покрываются изысканной резьбой). Третий тип характерных для догонов сооружений – тогуна (*toguna*), беседки квадратной формы с очень низким потолком, где можно только сидеть. Это общественные сооружения, там проходят заседания советов старейшин, традиционные суды «первой инстанции» и т.д. Само название можно перевести как «дом бесед». Эти постройки явно играют роль этнодифференцирующих маркеров: если в деревне есть тогуна, то нет никаких сомнений, что деревня эта догонская. Наконец, четвёртый тип сооружений – гинна (*guinna*, *guinna*). Как и тогуна, это общественные здания, но подробно мы поговорим о них позже

³ Кроме значения «белый, европеец», это слово имеет и другое, которого нет в словарях: «дурак».

⁴ Подробно об архитектуре Мали и истории её изучения см.: [Куценков, 2016(1); 2016 (2)].

Планировка и форма жилых домов, а равно планировка домовладений, находятся в прямой зависимости от расположения участка на местности, и от его рельефа. Так, на небольших террасах на скальном уступе, где мало места для строительства, постройки малы, а планировка групп построек часто бывает неправильной, вписанной в рельеф формы; в новых деревнях в долинах постройки чаще всего бывают прямоугольными или квадратными, точно так же, как и их группы, принадлежащие большой семье-гинна. На нагорье, где деревни нередко располагаются на небольших естественных возвышенностях, их план может быть неправильным, как и план домовладений, но сами дома обычно тоже прямоугольные или квадратные.

Не меньшую роль, чем «естественные» причины, в сложении архитектурного облика догонских домов играют факторы культурно-исторические. Так, фасады домов в деревне Буну (культурно-историческая область Ловель-Геу на северо-западе нагорья), чьё население нередко называют «людьми Дженне», обнаруживают сходство с фасадами в Марокканском стиле из этого города, а в культурно-исторической области Бондум (северо-восток нагорья) в деревнях Тинтан (*Tintam, Tintan, Tin-Tan*) и Семари планировка домов практически идентична планировке домов в том же Дженне: они имеют два этажа, внутренний дворик и вестибюль, на юге встречающийся только в домах вождей (помещение для охраны), да и то крайне редко. В сущности, разница в планировке домов из Дженне и из деревни Тинтан (Тинтам) сводится к тому, что в Тинтан на втором этаже расположены не жилые помещения, но зернохранилища. Наконец, характерные для гинна на севере мощные пилястры находят аналогию в архитектуре мечети в том же Дженне, и особенно – в руинах первой мечети, запечатлённой на фотографии конца XIX в.

МЕЧЕТИ И ГИННА

Мечети появились в догонских деревнях, возможно, уже с первыми мусульманами, но было их явно совсем немного. По мере нарастания влияния ислама с 60-х гг. прошлого века, число мечетей начало расти. Однако до 90-х гг. прошлого века абсолютно преобладали сооружения, вписывавшиеся в «провинциальный» и сильно упрощённый вариант Суданского стиля: это были совсем небольшие постройки с характерным зубчатым парапетом (рис. 1)⁵. Стиль этих мечетей мало варьировался не только по всей Стране догонов, но и в сельской архитектуре, пожалуй, всей принигерской саванны. Однако на рубеже 90-х и 2000-х гг. неожиданно и очень быстро распространился совершенно новый тип, который на «классические» сооружения Суданского стиля походил мало. Особенно бросается в глаза их подчёркнутая декоративность: стены разделаны нишами (рис. 2), чья форма и размер в разных деревнях могут варьироваться в достаточно больших пределах.

Надо отметить, что, хотя мечети такого типа стали особенно бурно распространяться по Стране догонов с конца 1990-х – начала 2000-х гг., появились они ещё в 80-х гг. прошлого века, причём, впервые они были зафиксированы в том самом округе Банкасс, где работала малийская экспедиция ИВ РАН, в той его части, что находится в Долине Сено ([Ronde, Holland, 1988]; цит. по [Schijns, 2009, p. 97], но Шийнс не указал страницу). Как мы помним, там исламизация началась раньше, чем в других частях Страны догонов.

Как бы то ни было, ничего похожего ни в старых мечетях Страны догонов, ни вообще во всех мечетях Суданского стиля никогда не было; для последних характерна разделка стен плоскими пилястрами, однако ниши там никогда не встречались. Известно, правда, одно исключение: это уже упоминавшийся дворец Агибу Талля в Бандиагара, построенный в так называемом Марокканском стиле, распространённом в Дженне (Суданский

⁵ Рисунки 1–3 находятся на цветной вклейке.

стиль подразделяется на Марокканский стиль и Стиль тукулёров). В рамках журнальной статьи автор лишён возможности подробно остановиться на происхождении этих стилей, поэтому ограничимся только замечанием, что оба явно сформировались и до марокканского завоевания города (1591 г.), и до вторжения тукулёров (1862 г.)⁶. Так, единственное, что связывает Марокканский стиль с архитектурой этой страны – характерные окна, за пределами Дженне практически неизвестные. Что касается Стиля тукулёров, то у этого народа до завоевания Дженне никакого определённого архитектурного стиля не было: на родине Эль Хадж Умар Талля, в местечке Альвар (Хальвар) на границе между Сенегалом и Мавританией, сохранилась построенная ещё при его жизни небольшая мечеть, но в её декоре трудно обнаружить что-то общее со Стилем тукулёров в Дженне. К тому же фасады домов в Стиле тукулёров в Дженне и Мопти отличает явный антропоморфизм, что вряд ли было бы уместно в архитектуре довольно-таки фанатичных мусульман-тукулёров (впрочем, как мы сможем убедиться позже, малийский ислам знает и не такие чудеса). Пока что отметим, что порталы мечетей в Дженне и в Мопти очень похожи на языческие догонские маски антилопы Валу⁷, а на дверях мечети в маленькой деревне Уме (*Umé*) недалеко от д. Тинтан можно видеть засов-маскоид той же формы. Впрочем, последний случай можно объяснить тем, что маска Валу во время церемоний следит за порядком (догоны называют её «маска-полицейский»). Понятно, что самое надёжное – доверить охрану мечети или дома полиции, пусть и метафизической с нашей точки зрения.

Итак, в городской мусульманской архитектуре Мали прототипов новых догонских мечетей нет. Поэтому можно допустить, что истоки этого стиля надо искать не в Дженне или Тимбукту, но в самой Стране догонов, тем более что похожий декор в старых сооружениях был единственный раз зафиксирован именно на их территории, в дворце Агибу Талля, хотя нельзя исключать, что были и другие, не сохранившиеся постройки.

Обратимся к характерным для домусульманской архитектуры догонов в гинна (*guinna*), или гиран гинна (*guiran guinna*, *guaran guinna*, т.е. «семейный дом», «большой дом» – рис. 3). Их нередко называют «мужскими домами», хотя правильнее было бы назвать их «традиционными административными зданиями большой семьи». Численность такой семьи может достигать ста человек, и она тоже называется «гинна». В этих домах, к примеру, заседают традиционные суды «второй инстанции». Женщинам вход туда вовсе не возбраняется – они каждый день проводят в гинна тщательную уборку.

Отличительной чертой гинна являются характерные фасады с нишами, где хранятся «фетиши». Ими могут быть любые предметы – от скульптур высокого художественного качества и изящных старых дверных засовов, до рваных шлёпанцев, рогов и костей животных, и даже велосипедных фар.

⁶ Подробно о происхождении Стиля тукулёров и Марокканского стиля см. [Куценков, 2020, с. 54–62].

⁷ Это сходство ещё в 1971 г. отметил британский африканист Ф. Уиллетт [Willett, 1971, p. 184]. Между тем, это действительно интересный вопрос: как форма, распространённая именно в искусстве догонов могла появиться в Дженне, да ещё и в мечети, причём, приём этот оказался столь популярным, что через некоторое время был воспроизведён и в Мопти? Возможно, что прояснить этот вопрос может следующее наблюдение: «В ходе моих полевых исследований, наиболее яркие примеры публичных подражаний и шуточных оскорблений я наблюдал между отдельными бозо и догонами, или между их небольшими группами. Бозо, традиционно бывшие рыбаками во Внутренней дельте Нигера, во время моего исследования являлись наиболее заметной [этнической] группой, занятой в Дженне в строительстве. Не вызывает сомнений, что в этом ремесле они оставались монополистами, по меньшей мере, на протяжении всего прошлого века» [Marchand, 2003, p. 50]. Получается, что строителями третьей мечети с высокой степенью вероятности были бозо, которых с догонами связывает шуточное родство: они считаются кровными братьями. Этническая территория догонов начинается совсем недалеко от Дженне, и в самом городе их немало (по уверениям местных жителей, лучший хлеб там выпекают догоны-Гиндо). Сейчас много догонов приезжает в Дженне учиться в коранических школах, знаменитых на всю Западную Африку.

В наши дни, в связи с распространением ислама, гинна быстро утрачивают своё значение. Так, в деревне Сонингхе (*Soninhé, Soningué*, сельская коммуна Дуру округа Бандиагара), которая находится на нагорье примерно в тридцати километрах к юго-юго-востоку от районного центра Бандиагара, большинство гинна уже заброшено. Много заброшенных гинна автор видел и в деревне Тинтан на севере нагорья. При знакомстве с этими сооружениями выявилась прелюбопытная тенденция: в тех деревнях, где есть только мечети, гинна уже нет; там, где есть и церкви, и мечети, попадаются и действующие гинна. Такие различия объясняются тем, что в тех деревнях, где есть и христиане, и мусульмане, многие их жители по-прежнему придерживаются традиционной религии. Отсутствие же церкви обычно означает, что всё население деревни уже приняло ислам, по крайней мере, формально. Следует также отметить очень важную, как мы увидим впоследствии, деталь: все обследованные автором в догонских деревнях церкви в своей архитектуре ничего общего с гинна не имели – чаще всего, это совсем простые сооружения, о назначении которых говорит только крест на крыше.

ФЕТИШИ «ДЛЯ ТУБАБУ»

Совершенно естественным будет вопрос, по какой причине в мечетях начал воспроизводиться «языческий» декор гинна? Вероятно, ответ состоит в том, что мечети приняли на себя функции общественных зданий. Причём они не просто его воспроизводят, но воспроизводят «дословно». Как и в гинна, стена разбивается на два яруса: первый состоит из плоских пилястр, второй – из ниш. Таким образом, архитектурный декор сообщает носителю традиционной культуры, что в деревню пришла новая жизнь: теперь общественное здание – это мечеть, а суд отныне шариатский. Христиан же среди догонов немного, и сооружение, которое посещается лишь небольшим количеством жителей деревни, по определению не может претендовать на роль общественного центра всей деревни или отдельного её квартала.

Но было бы ошибкой считать, что такое положение существует во всех без исключения догонских деревнях – как уже говорилось выше, исламизация в разных частях Страны догонов проходила по-разному, и с разным успехом. И это вполне естественно: Страна догонов подразделяется на десять больших культурно-исторических областей, её население говорит на множестве языков, а каждая деревня, и даже разные кварталы одной и той же деревни, могут иметь заметные культурные различия. Разнятся в разных деревнях и отношение к исламу: в Энде под впечатлением от тех ужасов и безобразий, что связаны с развязанной исламистами террористической войной, мало-помалу возрождается традиционная религия; в старейшем квартале д. Кани-На (Кани-Бонзон) на расстоянии примерно пятидесяти метров друг от друга располагаются алтарь традиционного бога-творца Амма и мечеть, чей запущенный вид весьма красноречиво контрастирует с ухоженным языческим алтарём, имеющим следы свежих жертвоприношений. В Энде на алтаре Ама жертв уже не приносят, но по-прежнему относятся к нему с великим почтением. Так, было две попытки украсть его. Теперь жители Энде не без злорадства рассказывают, что алтарь вернулся на своё место, а воры умерли в страшных мучениях.

Не менее характерно и отношение к идолам, или «фетишам». В этом отношении показательна история, случившаяся с участниками Малийской экспедиции ИВ РАН в конце января 2019 г.: в деревню Энде явился молодой человек по имени Амаду Гиндо из деревни Пёль (*Pel* или *Pel-Maoude*, сельская коммуна Пёль-Мауде округа Коро, регион Мопти). Он принёс на продажу несколько семейных фетишей, которые экспонировались на выставке в Государственном музее Востока в 2019 г. [Ванюкова, Куценков, 2019, кат. №11,

с. 24]. По словам Амаду Гиндо, продажа этих вещей объясняется тем, что семья приняла ислам, а также тяжёлым экономическим положением и семьи, и всей деревни. Но во время продолжительного разговора с ним выяснились и другие детали, которые заставляют заподозрить, что от фетишей избавились не только ради правверия и желания хоть немного подзаработать.

Как выяснилось, умер тот человек, что владел этими предметами. Никто из наследников не знал, для чего они предназначены, и поэтому фетиши эти могли представлять опасность. Раньше в подобных случаях такие магические предметы сжигали. На сей раз фетиши решили продать «тубабу», поскольку те в юрисдикцию местных «джинна» (духов) не входят, к тому же, их особенно и не жалко. Сама вера в фетиши теперь уже не та, что раньше, и связана это не только с исламом. Причину, по мнению автора, следует искать в изменении самого характера культуры догонов – из бесписьменной она быстро превращается в письменную, что дополняется её «цифровизацией»: мобильные телефоны и планшеты с доступом к интернету теперь есть у большинства жителей догонских деревень. Теперь они уже не изолированы от мира – там доступна та же информация, что и везде, где есть интернет. Несомненно также, что в этой истории не последнюю роль сыграло очень тяжёлое экономическое положение Страны догонов, сложившееся там после начала войны в 2012 г.

ПОСЛЕДНИЙ ПРОРОК АМАБИРЕ ГОРО

Появление откровенно языческих форм в мусульманской архитектуре догонов можно было бы считать следствием уникального стечения обстоятельств, если бы подобные казусы не фиксировались и в других сферах их современной традиционной культуры. Типичным примером является легенда о пророке Амабуре (*Amabire*, «Творение Господне», сокращённо – *Abire*) Горо (*Goro*). Он занимает важное место в этническом сознании догонов, поскольку именно ему, Амабуре Горо из г. Коро, принадлежит пророчество о том, что рано или поздно те вернутся на свою историческую родину в Страну манде. Случай этот чрезвычайно интересен, и поэтому мы позволим себе остановиться на нём довольно подробно.

По краткой версии предания, рассказанной Сулейманом Гиндо (Энде)⁸, Абире родился от неизвестного отца, как считают догоны, «подобно Иисусу Христу» (Горо – клановое имя его отчима). В то же время, в день смерти его видели в двух местах одновременно, что, опять-таки по мнению догонов, уподобляет его Мухаммаду. Поэтому-то мусульмане-догоны и считают последним пророком не Мухаммада, но Амабуре (излишне объяснять, насколько такое представление совместимо с исламом). После смерти Амабуре должен был родиться ещё один великий пророк, но, поскольку его похоронили неправильно, то родился всего лишь шейх Саля Карамбе. Всего же в Мали было пять шейхов: это догон Саля Карамбе, уже известный нам тукулёр Эль Хадж Умар Талль, фульбе Секу Амаду из Масины, араб Секу Амаля и, наконец, Аския Мухаммед из Гао. С последним связана ещё одна весьма красноречивая деталь легенды об Амабуре.

Дело в том, что версии предания от Сулеймана Гиндо, Амабуре жил в XVII–XVIII вв.; часть информантов Волтера Ван Беека, Доголу Сайе и Умара Самбо Онгойба сообщала, что Абире жил в XVI в. [Beek van, Saye, Ongoiba, 2020, p. 39], т.е. он действительно мог встречаться с асией Мухаммедом (1493–1528). Но другие утверждали, что Абире жил примерно 240 лет назад, т.е. около 1760 г., и именно эта дата представляется более обоснованной [Beek van, Saye, Ongoiba, 2020, p. 40]. Следовательно, ни о какой встрече с асией

⁸ Другие версии истории Амабуре изложены в монографии Валтера Ван Беека, Антима Доголу Сайе и Умару Самбо Онгойба [Beek van, Saye, Ongoiba, 2020]. Полный же рассказ Сулеймана Гиндо об Амабуре см.: [Куценков, Ванюкова, 2022].

Мухаммедом не может быть и речи. Однако само упоминание владыки Сонгаи в контексте легенды об Абире весьма симптоматично: во-первых, сонгаи являются партнёрами догонов по шуточному родству; во-вторых, упоминание аския Мухаммеда и малийских шейхов прочно привязывает историю Амабире к исламу, точнее, помещает и пророчество о возвращении в Страну манде, и саму культуру догонов, и всю культуру Мали в контекст мусульманской цивилизации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, в случае с архитектурой и фольклором догонов можно наблюдать очень своеобразный вариант взаимодействия традиционной культуры с исламом. Само по себе использование традиционных для данной территории форм и типов архитектурных сооружений в мусульманской архитектуре хорошо известно – достаточно тут вспомнить османские мечети, имеющие своим прототипом Айя Софию. Но в этом случае имитировалось не языческое сооружение, а церковь, построенная «людьми Писания». С догонами дело обстоит иначе: в архитектуре мечетей воспроизводится не просто декор сооружения, напрямую связанного с традиционной религией, но именно те его детали, что связаны с поклонением «идолам», или фетишам.

На взгляд автора, этот пример помогает понять, каким образом откровенно языческие формы традиционной архитектуры оказываются на фасадах мечетей, а те превращаются в традиционные общественные здания.

История Амабире ещё замечательнее: шутка ли, в видах примирения традиционной культуры и религии с исламом он объявлен последним пророком вместо Мохаммеда, что вряд ли совместимо не то, что с ортодоксальным исламом, но и с исламом вообще. С той же целью к истории «последнего пророка» привязаны малийские шейхи.

Однако здесь дело не только в исламе и язычестве. В Мали, как и повсеместно в Западной Африке, устные традиции способны претерпевать самые резкие и причудливые изменения в зависимости от текущих политических событий, с чем участники Малийской экспедиции ИВ РАН сталкивались неоднократно (то же явление отметили и авторы монографии об Амабире Ван Беек, Сайе и Онгоиба [Beek van, Saye, Ongoiba, 2020, p. 39]). Сейчас, в условиях войны с джихадистами, после двух военных переворотов и последовавшими за ними западных санкций, политическое положение требует максимальной консолидации всех религий и этносов Мали.

Как ни странно это прозвучит, но, по мнению автора, такое положение говорит не о слабости ислама в Мали и у догонов в частности – проникновение языческих элементов в мусульманскую архитектуру, равно как и проникновение ислама в языческий фольклор и отчётливое стремление увязать их друг с другом, скорее, является свидетельством синтеза ислама и традиционной культуры, такого, когда языческие элементы уже не осознаются как таковые, а исламские не отождествляются догонами только с религией.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Ванюкова Д.В., Куценков П.А. *Пленники Сириуса. Путешествие в Страну догонов. Каталог выставки*. Москва: ГМБ, 2019 [Vanyukova D.V., Kutsenkov P.A. *Sirius' Captives. The Voyage to Dogon Country. Exhibition Catalogue*. Moscow: State Museum of Oriental Arts, 2019 (in Russian)].

Куценков П.А. Мусульманская архитектура региона Мопти (Республика Мали). *Исламоведение*. 2016(1). Т. 7. № 3. С. 53–68 [Kutsenkov P.A. Muslim architecture of the Mopti region (Republic of Mali). *Islamic studies*. 2016(1). Vol. 7. No. 3. Pp. 53–68 (in Russian)].

Куценков П.А. Традиционная архитектура Мали (Дженне, Сегу, Мопти, Страна догонов). *Aegyptiaca Rossica* (Выпуск 4). Под ред. М.А. Чегодаева, Н.В. Лаврентьевой. Москва: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016(2). С. 165–202 [Kutsenkov P.A. Traditional architecture of Mali (Djenne, Segou, Mopti, Dogon Country). *Aegyptiaca Rossica* (Issue 4). Ed. M.A. Chegodaev, N.V. Lavrentieva. Moscow: Russian Foundation for the Promotion of Education and Science, 2016(2). Pp. 165–202 (in Russian)].

Куценков П.А. *Догоны, XXI век: Путевые записки шуточного родственника*. М.-СПб: Нестор-История, 2020 [Kutsenkov P. A. *Dogon, XXI century: Travel notes of a jocking relative*. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2020 (in Russian)].

Куценков П. А., Ванюкова Д. В. Экспедиция в Мали 2022 года. *Восточный курьер*. 2022. № 1. С. 86–102 [Kutsenkov P. A., Vanyukova D. V. Expedition to Mali in 2022. *Oriental Courier*. 2022. No. 1. Pp. 86–102].

Суданские хроники. Ред. Першиц А.И. Пер. Куббель Л.Е. М.: Наука, ГРБЛ, 1984 [*Sudanese Chronicle*. Editor Pershits A.I. Translator Kubbel L.E. Moscow: Nauka, Glavnaia Redaktsiia Vostochnoi Literatury, 1984 (in Russian)].

Ba H.H., Daget J. *L'Empire peul du Macina (1818–1853)*. 2 ed. Paris: Les Nouvelles Editions Africaines. Editions de l'Ecole de Hautes Etudes en Sciences Sociales, 1984.

Beek van W.E.A., Saye A.D., Ongoiba O.S. *Chanter le baja ni. Abirè le Voyant Dogon*. ASC Occasional Publications, issue 37. Leiden: African Studies Centre Leiden, 2020.

Delafosse M. *Haut Sénégal-Niger*. 3 tomes. T. 1 : Le pays, les peuples, les langues, 428 p.; t. 2: L'histoire, 428 p.; t. 3: Les civilisations, 308 p. Paris: Émile Larose, 1912 (réédité chez Maisonneuve & Larose en 1972).

Gallay A., Huysecom, A., Mayor A. Archéologie, histoire et traditions orales : trois clés pour découvrir le passé dogon. *Die Kunst der Dogon*. Museum Rietberg Zürich. Zürich: Museum Rietberg, 1995. Pp. 19–44. Marchand, T.H.J. *The masons of Djenné*. Bloomington, IN: Indiana University Press, 2009.

Ronde, P.; Holland, E. van. Dègubè Weèjè, drempels van het wonen. *Een onderzoek naar de architectuur in de cerce Bankass*. Doctoraalscriptie faculteit Bouwkunde. Eindhoven : Technische Universiteit Eindhoven, 1988.

Schijns, W. *L'architecture vernaculaire des Dogons du Mali. L'évolution typologique et l'avenir d'un patrimoine mondial*. Amsterdam: Gopher, 2009.

Willett, F. *African art: An introduction*. London, New York: Thames & Hudson, 1971.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

КУЦЕНКОВ Пётр Анатольевич –
доктор культурологии, ведущий
научный сотрудник Института
востоковедения РАН, Москва, Россия.

Petr A. KUTSENKOV, DSc
(Cultural Studies), Leading Research Fellow,
Institute of Oriental Studies, Russian Academy
of Sciences, Moscow, Russia.

Иллюстрации к статье П.А. Куценкова

Рис. 1. Мечеть в квартале Энде-Во д. Энде. 1960-е годы. Фотография П.А. Куценкова.

Fig. 1. The mosque in the Ende-Wo block in the village of Endé. The 1960s. Photo by P.A. Kutsenkov.

Рис. 2. Гинна в деревне Сонингхе. Фотография П.А. Куценкова.

Fig. 2. Guinna in the village of Soninghe. Photo by P.A. Kutsenkov.

Рис. 3. Мечеть в д. Йабаталу. Начало 2000-х годов. Фотография П.А. Куценкова.
Fig. 3. Mosque in the village of Yabatalu. The beginning of the 2000s. Photo by P.A. Kutsenkov.